

УДК 81'373.613; 811.161.1; 811.162.1
DOI 10.23951/1609-624X-2021-4-100-110

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛОНИЗМОВ)*

М. А. Ланно¹, А. А. Уразбекова²

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

² Представительство Россотрудничества в Венгрии – Российский центр науки и культуры в Будапеште, Будапешт, Венгрия

Введение. Рассматриваются семантические группы полонизмов в русском художественном тексте XIX–XXI вв.

Цель – выявление и систематизация репрезентативных семантических групп полонизмов в художественном тексте XIX–XXI вв., а также анализ экстралингвистических и лингвистических причин их актуализации и ведущих функций.

Материал и методы. На первом этапе рассмотрено более 30 литературных произведений, отобранных по тематическому (о польских событиях), биографическому (авторы имеют польское происхождение) и языковому (тексты должны были быть написаны на русском языке, не являться переводами) критериям. На втором этапе для более детального изучения были взяты романы В. В. Крестовского «Кровавый пух», З. Шишовой и С. Царевича «Приключения Каспера Берната в Польше и других странах» и В. Р. Мединского «Стена» как наиболее репрезентативные по объему заимствований из польского языка. Систематизация слов польского происхождения по семантическому принципу, дающая базу для изучения их функционирования в динамическом аспекте, подчинена концепции «Большого толкового словаря русских существительных» под ред. Л. Г. Бабенко (2005 г.), при которой общая типовая ситуация является основанием объединения имен существительных в семантическую группу слов.

Результаты и обсуждение. Наиболее подробно описаны репрезентативные семантические группы полонизмов «религия», «питание», «социальные отношения», «военная служба». Выявлены как экстралингвистические, так и собственно языковые причины этого процесса: снижение в кругах читающей интеллигенции интереса к Польше в связи с дезактуализацией «польского вопроса», утрата значения религии, изменение жизненного уклада, нейтрализация социального неравенства, фонетическая и смысловая близость полонизмов и исконно русских слов. Показано, что ведущие функции полонизмов, а именно характерологическая, идентифицирующая, оценочная и уточняющая, в целом носят постоянный характер в литературе последних трех веков, их употребление отвечает традициям и задачам художественного повествования. В то же время меняется их количественный и качественный состав.

Заключение. Анализ семантических групп польских элементов в русском языке показал устойчивую тенденцию к сокращению их количества в художественном тексте в исследуемом временном отрезке, кроме полонизмов военной тематики. Результаты работы могут быть востребованы в исследовании языковых контактов, динамических процессов русскоязычного художественного дискурса, в лексикографической практике.

Ключевые слова: полонизм, заимствование, иноязычные слова, польский язык, русский язык, лексикография, семантическая адаптация, языковые контакты.

Введение

Под полонизмом понимается «слово, заимствованное из польского языка» [1, с. 148]. Заимствования из польского языка в русскоязычном тексте широко известны уже со времен переписки царя Ивана Грозного с Андреем Курбским. Ученые с разных сторон рассматривали взаимодействие польского и русского языков: изучали влияние польского языка на русский в различные периоды его развития. Однако большинство работ были выполнены на материале текстов XVI–XVIII вв. Лексико-семантические группы полонизмов выделялись ранее в произведениях отдельных авторов [2,

с. 316–320], но комплексного динамического исследования элементов из польского языка в русском «на основании антропологического подхода, учитывающего процесс освоения, осознания и ословаривания человеком окружающего мира действительности» [3, с. 17] не проводилось.

В данной статье представлен опыт систематизации семантических групп полонизмов, а именно анализ качественного и количественного состава семантических групп имен существительных, используемых в русскоязычной художественной литературе XIX–XXI вв. Систематизация слов польского происхождения по семантическому принци-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру в Венгрии» в рамках научного проекта № 21-512-23003 «„Свое“ и „чужое“ в современном русском (русскоязычном) и венгерском художественном тексте».

пу дает базу для изучения их функционирования в динамическом аспекте, в частности, развития смысловой структуры лексем, тенденций и причин закрепления или утраты в лексической системе русского языка, состава основных, постоянных и дополнительных, варьируемых функций полонизмов в непереводаемом художественном тексте.

Материал и методы

Отбор художественных текстов определялся следующими критериями: тематическим (о польских событиях), биографическим (авторы имеют польское происхождение), языковым (тексты должны были быть написаны на русском языке, не являться переводами, вне зависимости от страны их публикации: СССР, Россия, Украина, Беларусь, США). Источником материала исследования послужили более 30 текстов XIX в. (в том числе В. В. Крестовского, М. Н. Загоскина, И. И. Лажечникова), XX в. (в том числе З. Шишовой и С. Царевича, И. Эренбурга, К. Г. Паустовского) и XXI в. (в том числе В. Р. Мединского, Б. Акунина, О. И. Елисеевой). Из данных произведений были выписаны полонизмы. Далее на основе количественного анализа как наиболее репрезентативные по объему заимствований из польского языка были отобраны следующие произведения (по одному роману каждого века): В. В. Крестовский «Кровавый пух»¹ [4, 5], З. Шишова и С. Царевич «Приключения Каспера Берната в Польше и других странах»² [6] и В. Р. Мединский «Стена»³ [7].

Всего нами было выявлено 285 уникальных⁴ полонизмов в произведении XIX в., 41 – в романе XX в. и 49 – в сочинении XXI в. Если в группе встречается слово, написанное как польскими, так и русскими буквами, то для целей статистики мы считаем его за одно (например, *Буг/Vóg* или *ровность/рувность/równość*), но если к слову относятся приложения, то мы разделяем их при подсчете (например, *ксендз*, *ксенз-браццишек*, *ксендз-дзекан*, *ксендз-каноник*, *ксендз-пробоц*).

Использование в данной статье термина «семантические группы слов» объясняется его обобщенным характером и опирается, во-первых, на описанные в науке принципы дифференциации семантических полей как обширных лексических объединений и отдельных семантических парадигм как их компонентов, во-вторых, на принципы отграничения разных семантических группировок

друг от друга, например, синонимов, тематических групп, лексико-семантических групп и т. п., в-третьих, на систему отражения лексических множеств в идеографических словарях.

Семантическое поле, как указывает Л. П. Новиков, представляет собой многомерное пространство лексем разных частей речи, объединенных «общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу», вступающих в разнообразные языковые отношения (парадигматические, синтагматические и ассоциативно-деривационные), и синтезирует все типы категориальных семантических отношений (синонимии, антонимии, конверсии, гипогиперонимии и др.) [8, с. 458–459]. Парадигматические группы слов, входящие в состав семантических полей, имеют более однородный и определенный состав, в частности, лексико-семантические группы «объединяют в себе слова одной части речи, в которых помимо общих грамматических сем имеется как минимум еще одна общая сема – категориально-лексическая (архисема, классема)» [9, с. 73]; в тематические группы слов «объединяются обычно имена существительные с конкретно-предметными значениями, например названия частей человеческого тела, названия населенных пунктов, названия транспортных средств, домашних животных и т. п.» [9, с. 73]. Несмотря на то, что термин «тематическая группа слов» является весьма востребованным в отечественной лексикологии, его использование часто вызывает критику: «...многие тематические группы слов оказываются при ближайшем рассмотрении также и лексико-семантическими группами» [10, с. 103]; «известной неопределенностью отличается <...> характеристика классов слов, получивших название тематических групп» [9, с. 71].

В толково-идеографических словарях русского языка приняты различные терминологические системы для упорядочивания лексической системы. Так, в «Русском семантическом словаре» под ред. Н. Ю. Шведовой частеречные макроклассы делятся на лексические классы, которые, в свою очередь, членятся на лексические множества и подмножества, а конечной единицей лексического древа является лексико-семантический ряд [11, с. X]. В «Большом толковом словаре русских существительных» под ред. Л. Г. Бабенко иерархию лексического пространства представляют денотативные

¹ В двух книгах автор описывает борьбу польского народа и им сочувствующих за независимость от Российской империи.

² Авторы переносят нас в Европу времен Н. Коперника, где глазами взрослеющих польских друзей читатели следят за политической и религиозной жизнью Польши и ее соседей.

³ Книга рассказывает о героической обороне Смоленска от войск польского короля Сигизмунда III в Смутное время.

⁴ Под уникальным полонизмом мы понимаем такой полонизм, который встречается в тексте впервые. Если полонизм встречается в тексте во второй и последующие разы, то он не учитывается в статистических подсчетах.

классы слов, т. е. «множество существительных, участвующих в отображении одной типовой ситуации», которые разделяются на денотативно-идеографические группы слов, обозначающие определенные компоненты или аспекты типовой ситуации [3, с. 16–17].

Таким образом, в данной работе под семантическими группами слов будут пониматься объединения лексем одной части речи с конкретно-предметными или с абстрактными значениями, участвующих в отображении одной денотативной сферы действительности, а под семантическими подгруппами – объединения слов, называющих какой-либо аспект или компонент определенной денотативной сферы. Анализ нашего материала показал, что значительная часть полонизмов в художественном дискурсе является именами существительными.

С учетом задач настоящего исследования для смыслового упорядочивания полонизмов нами была избрана концепция «Большого толкового словаря русских существительных» под ред. Л. Г. Бабенко, при которой общая типовая ситуация является основанием объединения имен существительных в определенную семантическую группу слов. Представленный в данном словаре «новый лексикографический взгляд на семантику имен существительных», позволяющий «более объемно их интерпретировать и семантизировать» [3, с. 17], согласуется с задачами лингвистического анализа «польского текста» в рамках русскоязычного художественного произведения.

Рассматриваемый нами «польский текст» является разновидностью сверхтекстов (термин В. Н. Топорова [12]), к которым относятся, например, петербургский текст, итальянский текст и др. [13]. Понятие «польский текст» только утверждается в научной литературе, несмотря на значительное количество художественных произведений, в которых последовательно развиваются польские темы, сюжеты, мотивы. О. А. Сетько «польский текст» определяет как «идейно-стилевой, сюжетно-тематический и мотивно-образный комплекс, отражающий индивидуальное восприятие писателями польской культуры и связанных с ней территориально и исторически смысловых пластов» [14, с. 17].

В рамках настоящего исследования под термином «польский текст» мы будем понимать лингвистическое воплощение мотивов, тем и художественных образов поляков и Польши (Речи Посполитой, Царства Польского, Республики Польши). В создании «польского текста» могут принимать участие единицы всех уровней языковой системы, начиная от воссоздания польского произношения, фонетических особенностей польской речи до обращений к специфике польской грамматики. В

данной статье изучается лексический аспект «польского текста».

Сосредоточение внимания на тематических группах полонизмов определяется необходимостью как изучения общих закономерностей развития лексической системы русского языка, так и исследованием динамических лексико-семантических процессов в отдельных функциональных пластах литературного языка. Анализ лексической организации текста опирается на теорию регулятивности, развиваемую в работах Е. В. Сидорова [15], Н. С. Болотновой [16] и других ученых. Тематические цепочки лексем отражают определенную ситуацию, фрейм и, обеспечивая регулятивную функцию текста, актуализируют внимание адресата на той или иной черте поляков, Польши, польского.

Очевидно, что определенные семантические группы полонизмов, скапливающихся в тексте, отражают те или иные денотативные области действительности, формируют информационную основу текста (в понимании Н. Е. Сулименко [17]), его содержательную и сюжетную доминанту. Н. Е. Сулименко, следуя за концепцией психологии творчества Л. С. Выготского, подчеркивает, что «художник всегда формой преодолевает свое содержание». И далее она пишет: «К элементам формы относятся и композиционно-лексический уровень текста. Композиционно-лексический уровень художественного текста как результата креативной деятельности элитарной языковой личности, способной вскрыть внутренние потенции языка, выступает отражением ее когнитивно-дискурсивных стратегий» [17, с. 6]. В соответствии с этим утверждением, к задачам нашего исследования относится также выявление эстетического потенциала полонизмов, раскрывающегося только в рамках художественного текста.

Итак, семантические группы польских заимствований как компонент лексической организации художественного текста рассматриваются нами и как инструмент для его анализа (содержательной структуры, жанровой специфики, системы образов, соотношений речевых партий персонажей и автора, монологической, диалогической и внутренней речи и т. д.), и как способ изучения динамических процессов полонизмов в лексической системе русского языка.

Для интерпретации состава полонизмов в русском языке с точки зрения их семантики мы опирались на принципы комплексного подхода к языковым явлениям, который, в трактовке О.А. Горбань и Е. М. Шептухиной, «имеет своей целью всестороннее исследование объекта во всех его не только внутренних (системно-структурных), но и внешних связях, позволяет выйти за рамки лингвистических фактов и определить некоторые общие за-

кономерности их развития и функционирования» [18, с. 77].

Этимология лексем проверялась по словарям М. Фасмера [19], Н. М. Шанского, Т. А. Бобровой [20], В. Витковского [21], а также толковым словарям польского языка В. Дорошевского [22] и Л. Дробику, А. Кубяк-Сокул, Е. Соболю [23]. В том случае, когда лексема не является полонизмом в буквальном понимании, а является славянизмом (например, кава, млеко), но была употреблена в тексте персонажем-поляком в разговоре с поляками на территории Польши, мы рассматривали ее как контекстуальный полонизм.

Результаты и обсуждение

В «Большом толковом словаре русских существительных» под ред. Л. Г. Бабенко выделена 41 денотативная сфера. Представленные в текстах полониз-

мы мы распределили по 32 из них: живое существо, растения и грибы, неживая природа, родственные и семейные отношения, нации, интеллект, эмоции, оценка, время, пространство, предмет, вещество, явление и событие, религия, населенный пункт, быт, питание, одежда, производство, военная служба, медицина, строительство, сфера обслуживания, транспорт, образование, развлечения, искусство, экономика, социальные отношения, управление, политика, право. Лексемы следующих семантических групп не были использованы в рассматриваемых произведениях: форма, количество, сверхъестественное, охота и рыболовство, сельское хозяйство, техника, наука, спорт, средства массовой информации.

Представленные ниже диаграммы отражают абсолютное количество полонизмов в семантических сферах в текстах XIX в. (рис. 1), XX в. (рис. 2) и XXI в. (рис. 3).

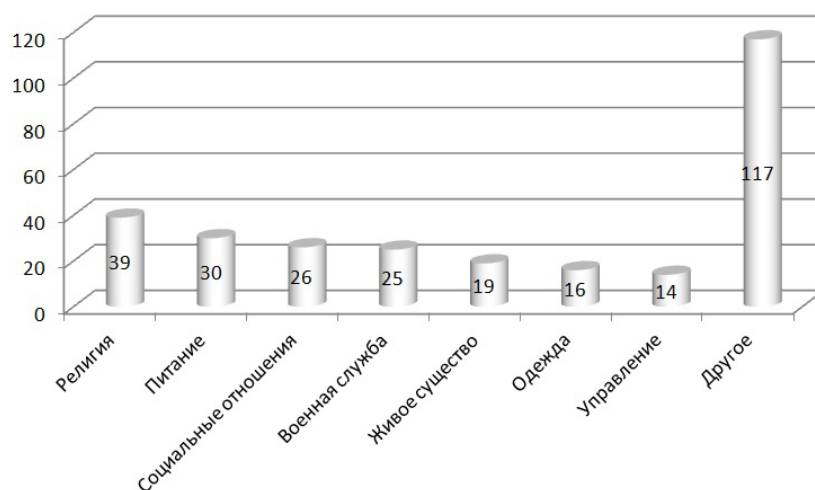

Рис. 1. Семантические группы полонизмов в романе В. В. Крестовского «Кровавый пуф»

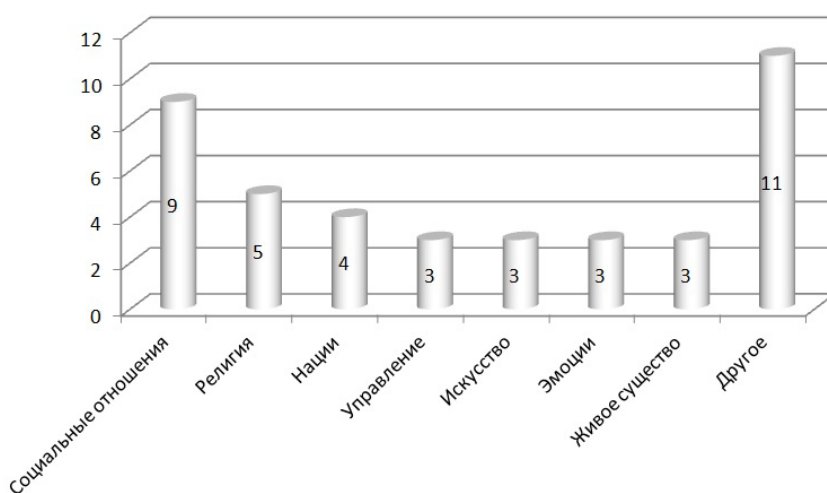

Рис. 2. Семантические группы полонизмов в романе З. Шишовой и С. Царевича «Приключения Каспера Берната в Польше и других странах»

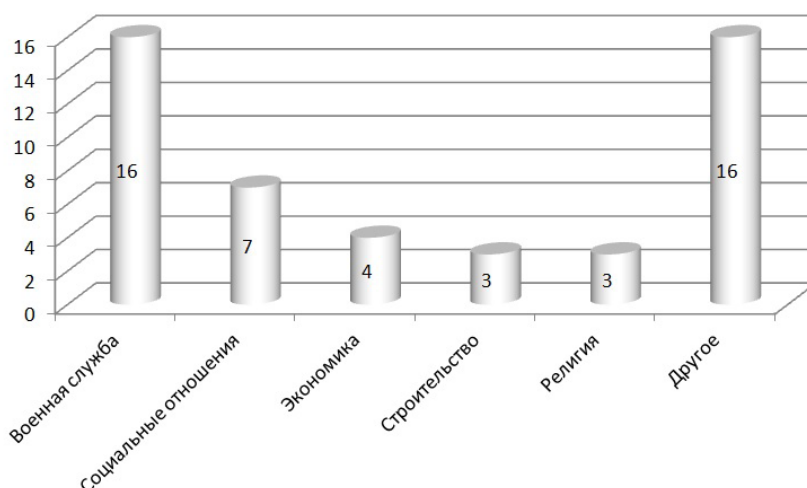

Рис. 3. Семантические группы полонизмов в романе В. Р. Мединского «Стена»

Рассмотрим лексемный состав наиболее репрезентативных семантических групп: «религия», «питание», «военная служба» и «социальные отношения».

В тексте XIX в. семантическую группу «религия» представляют 38 лексических единиц, которые могут быть распределены по следующим подгруппам: «существительные, обозначающие религиозные убеждения и учения»: *вызнанье* (вероисповедание⁵), *вяра* (вера); «существительные, обозначающие бога, людей, сверхъестественные существа как объекты религиозного почитания»: *Буг/Вог*; «существительные, обозначающие религиозные догматы»: *дзябел*, *пекло* (ад); «существительные, обозначающие религиозные организации и объединения»: *парафия*⁶; «существительные, обозначающие религиозные тексты»: *гымн* (гимн), *реколекции* (наставления); «существительные, обозначающие обряды»: *миша* (месса), *набоженьство* (служба), *отпуск*⁷ (отпущение грехов), *офяра* (добровольный взнос); «существительные, обозначающие праздники»: *народзене* (рождество), *отпуст* (престольный праздник, храмовой праздник); «существительные, обозначающие культовые сооружения»: *каплицца* (часовня), *кляштор* (монастырь), *костел*, *фара* (приходская церковь); «существительные, обозначающие предметы и вещества, используемые в религиозной практике священнослужителей и верующих»: *дзвон* (колокольный звон), *кржиж* (крест), *кршестельничка* (маленькое распятие с раковинкой), *олтаржик*, *ружанец* (четки), *шкарлерж* (образок); «существительные, обознача-

ющие одежду»: *камжа*⁸, *орнат* (фелонь), *хоронгвь* (хоругвь).

Подгруппа «существительные, обозначающие человека» в денотативной сфере «религия» далее подразделяется на «существительные, обозначающие человека по отношению к религии, какому-либо вероисповеданию, к направлению в религии»: *бернардын* (монах-бернардинец); «существительные, обозначающие служителей церкви, жрецов языческих культов»: *ксендз*, *ксенз-брацшишек* (брат, член братии), *ксендз-дзекан* (благочинный), *ксендз каноник*, *ксендз-пробоц* (настоятель), *массионарж* (миссионер), *опат* (настоятель), *плебан*, *сакристиян* (пономарь); «существительные, обозначающие человека по отношению к нормам религиозной жизни и по участию в религиозных обрядах»: *мученик* (мученик).

В художественном тексте XX–XXI вв. резко сокращается количество лексем рассматриваемой группы. В тексте XX в. в группу входят пять лексем, к ним относятся «существительные, обозначающие религиозные догматы»: *дьябел*; «существительные, обозначающие человека»: *каноник*, *ксендз*; «существительные, обозначающие культовые сооружения»: *катедра*, *костел*. В тексте XXI в. группа «религия» представлена тремя лексическими единицами, а именно: «существительными, обозначающими человека»: *католик*, *ксендз*; «существительными, обозначающими религиозные догматы»: *пекло/pieklo*.

В тексте XIX в. семантическую группу «питание» представляют 30 лексических единиц, кото-

⁵ Здесь и далее в скобках, а также в сносках переводы на русский язык выполнены А. А. Уразбековой.

⁶ Самая маленькая административная единица в христианской церкви, управляемая пастором [23].

⁷ *Odpust* – в католической церкви: прощение человеку наказания за грехи, отпущенные по Таинству Покаяния при условии соблюдения определенных религиозных практик [23].

⁸ Белое одеяние до колен, которое носят католические священнослужители или миряне во время богослужения [23].

рые могут быть распределены по следующим подгруппам: «существительные, обозначающие пищевые продукты»: *вендлина* (копчености), *коляция* (ужин), *миодек* (мед), *оброк* (овес), *обядек* (обед), *сливка* (слива), *сметанка* (сливки), *шинка* (ветчина, окорок); «существительные, обозначающие кушанье»: *бигос* (название блюда), *генсь* (гусь), *заеци* (заяц), *зупа* (суп), *индык* (индюк), *колдуны* (пельмени), *мних* (название блюда), *налесники* (блины), *сос* (соус), *тястечки* (сладкие пирожки), *фляки* (национальный польский густой суп), *хлудник* (холодец); «существительные, обозначающие напиток»: *вишнювка* (наливка), *вудка* (водка), *гербата* (чай), *кава* (кофе), *литовка* (напиток), *млеко* (молоко), *пивко*, *помаранчувка* (наливка), *чеколяда* (шоколад).

В тексте XX в. в группу «питание» входят две лексемы. К ним относятся «существительные, обозначающие кушанье»: *фляки* (национальный польский густой суп); «существительные, обозначающие напиток»: *старка*⁹. В тексте XXI в. группа представлена одной лексической единицей, относящейся к «существительным, обозначающим кушанье»: *паишет*.

Анализ этих и других семантических сфер показал устойчивую тенденцию к сокращению количества полонизмов в художественном тексте в исследуемом временном отрезке. Некоторым исключением здесь является семантическая группа «военная служба». Входящие в нее лексемы широко представлены в XIX в., отсутствуют в XX в. и занимают первое место среди всех семантических групп полонизмов в романе В. Р. Мединского «Стена» в XXI в. Рассмотрим ее состав.

В тексте XIX в. семантическую группу «военная служба» представляют 25 слов. Они распределяются по следующим подгруппам: «существительные, обозначающие человека»: *гицель-желнерж* (солдат-мучитель), *гусар*, *довудца* (военачальник, командир), *кракус* (солдат легкой польской кавалерии), *несмертельный* (бессмертный улан), *номер*¹⁰ (номер), *ревировый* (околоточный надзиратель), *улан*, *хорунжий* (знаменоносец), *цивильный* (гражданский), *крижак* (крестоносец); «существительные, обозначающие огнестрельное оружие»: *бронь* (оружие), *гармата* (пушка); «существительные, обозначающие холодное оружие»: *карабеля* (кривая сабля); «существительные, обозначающие боеприпасы»: *пуля*; «существительные, обозначающие военное мероприятие»: *наезд* (набег), *рапорт*; «существительные, обозначающие род войск»: *рушене* (ополчение); «существительные, обозначающие военные подразделения»: *варта* (караул),

legia (легион), *швадрон* (эскадрон); «существительные, обозначающие воинское звание»: *полковник*, *поручик/поручник*, *ротмистр*; «существительные, обозначающие военное сооружение»: *обоз* (лагерь).

Семантическую группу «военная служба» в тексте XXI в. представляют 16 слов, которые входят в следующие подгруппы: «существительные, обозначающие человека»: *гусар*, *жолнер* (солдат), *панцирник* (солдат в латах), *рекрут*; «существительные, обозначающие холодное оружие»: *бердыш* (топор на длинном древке), *дарда* (полупика/короткое копье), *палаш* (сабля); «существительные, обозначающие боеприпасы»: *петарда*; «существительные, обозначающие приспособление»: *амуниция*; «существительные, обозначающие военное мероприятие»: *кампания*, *ретирада* (отступление), *рокош* (мятеж, бунт); «существительные, обозначающие род войск»: *почт* (отделение в польской хоругви, кавалерийском эскадроне); «существительные, обозначающие воинское звание»: *гетман*, *поручик*; «существительные, обозначающие военное сооружение»: *казарма*.

В тексте XIX в. семантическую группу «социальные отношения» представляют 22 лексические единицы, такие как *грабя* (граф), *здрайца* (изменник), *обываецель* (гражданин), *пан* (форма вежливости, употребляется перед именами собственными, названиями профессий), *паненка*, *панич*, *панна*, *панове*, *поссесионат* (помещик), *присяцель*, *присяциолек* (приятель). Тексты XX и XXI вв. показывают утрату в необходимости социальной дифференциации, поскольку в них фиксируется лишь по девять и семь лексем соответственно (*пан*, *пани*, *панночка*, *шляхтич* и др.).

Появление полонизмов в романах и повестях русскоязычных авторов обусловлено, в первую очередь, литературной традицией, политическим и историческим контекстом, отношениями наших стран, тесно переплетавшимися на протяжении веков. Признанное историками русско-польское взаимодействие фиксируется уже в X в., во время похода Владимира Святославовича на Польшу. В XVI в. появляется Речь Посполитая, с которой у Великого княжества Московского, а позже и Руси, разгораются войны за приграничные территории. В XVII в. отношения двух стран определяет польская интервенция во время Смуты, а позже – войны за возвращение Россией утраченных в Смутное время территорий. XVIII в. начался политическим союзом двух стран против Швеции, но самыми яркими событиями в двусторонних отношениях становятся три раздела Речи Посполитой и восстание

⁹ Польская водка, приготовленная из ржаного спирта, выдержанного не менее 5 лет (зарегистрированный товарный знак) [23].

¹⁰ Нумерами у повстанцев назывались часовые на аванпостах.

Тадеуша Костюшко. С конца XVIII в., когда Великая Польша входит в состав Российской империи, интеграция заимствований из польского языка в русский значительно упрощается: появляются смешанные семьи, польская интеллигенция налаживает связи с российской. Обе нации исповедуют христианство, но принятие его от разных источников – Константинополя и Рима – позволяет русскоязычным писателям маркировать поляков на страницах произведений как католиков, обращая внимание на веру как на инструмент инкультурации героев. В XIX в. после победы над Наполеоном Российская империя включает в свой состав Царство Польское, после чего следуют «Ноябрьское восстание» 1830–1831 гг. и «Январское восстание» 1863–1864 гг. XX в. начался «Лодзинским восстанием», позже была «Советско-польская война» и «Польский поход Красной армии», «Катынский расстрел», основание Польской Народной Республики и ее зависимость от СССР, забастовки рабочих на гданьской судовой верфи, возглавляемые «Солидарностью». В XXI в. в Польше действует «Институт национальной памяти», который расследует преступления по отношению к польскому народу, вступил в силу закон о декоммунизации. Такие тесные, длительные отношения двух соседствующих народов, сложнейшие переплетения человеческих судеб, экономические, политические и культурные связи не могли не найти своего отражения в художественной литературе и фиксировали интерес образованного населения к польскому языку.

Анализ функционирования полонизмов в русской литературе последних трех веков выявил их устойчивый эстетико-художественный потенциал. Основной функцией полонизмов в русской художественной литературе является функция создания польского колорита, поскольку слова любой семантической группы могут ее реализовать. См., например, употребление лексем из денотативной сферы «питание»: *За этим блюдом или неизменные: «бигос» и «зразы с кашей», потом жареный «генсь зе сливками и з яблоками» и потом «налесники зе по-видлами»* [5, с. 68].

При формировании польского колорита в произведении важную роль играет создание образа персонажей. Важной функцией польских элементов является идентифицирующая, позволяющая авторам маркировать героев, места и события как относящиеся к Польше. Например: *Оба они знали отлично, что девушку Уришулу Тешнер продал фон Эльстеру по довольно сходной цене – за сто злотых* [6, с. 79].

Вектором оценочной функции полонизмов в романах XIX и XXI вв. следует считать отрицатель-

ный, так как преимущественно все «польское» значит «вражеское, враждебное». В этих случаях использование заимствований из польского языка позволяет авторам не только передавать исторический колорит, но и давать оценку описываемому: *Купец-то наш совсем нестоящим лайдаком¹¹ оказался!* [6, с. 37].

В коммуникации героев выбранных романов полонизмы могут использоваться и для узнавания в собеседнике поляка, как показано в следующем фрагменте: *Полеванье, запевне? – начал было он по-польски, заметив Хвалынцева и приподняв ему свою широкополую шляпу* [5, с. 204]. Здесь герой, восприняв Хвалынцева по его внешности как поляка, обращается к нему на польском языке.

Кроме того, польский элемент выполняет уточняющую функцию, поскольку называет определенные разновидности гипонимов: не трубка, а *файка* (коротенькая курительная трубка); не алкогольный напиток, а *вишнювка* (наливка из вишни); не солдат, а *гицель-желнерж* (солдат-палач или помощник палача); не пикник, а *маювка* (отдых на природе в мае). См. последнюю лексему в контексте: *Для них лесная скитальческая жизнь, пока еще целы были запасы, представлялась только веселой лесной «маювкой»* [5, с. 1376].

Изменения в количественном составе полонизмов в русском художественном тексте с течением времени обусловлены, прежде всего, снижением в кругах читающей интеллигенции интереса к Польше в связи с динамикой политической ситуации и дезактуализацией «польского вопроса¹²». Эта экстралингвистическая природа употребления заимствований из польского языка может быть дополнена рядом других, как внеязыковых, так и собственно лингвистических причин.

Так, резкое уменьшение слов польского происхождения с семантикой «религия» в современном русском художественном дискурсе объясняется не только снижением интереса к «польскому вопросу», но и утратой значения религии как в России, так и в Польше. Кроме того, если и можно видеть в современной России некоторое возрождение религии, то оно в большей степени касается православия и мусульманства, но, разумеется, не католической веры.

Внеязыковой причиной уменьшения полонизмов семантической группы «питание» в текстах XX и XXI вв. являются постепенные изменения в культуре потребления пищи. В XIX в. и раньше еда занимала существенное место в жизненном укладе как россиян, так и поляков, время, место, состав и порядок смены блюд маркировали социальный

¹¹ Лайдак (пол.) – негодяй; бездельник.

¹² Речь о польских восстаниях XIX в. с целью отделения Царства Польского от Российской империи.

статус. В настоящее время порядок питания не является значимым атрибутом социальных отношений, развивается мода на различные национальные кухни, не привязанные к месту проживания. Лингвистической причиной деактуализации полонизмов указанной сферы в русском языке следует считать их фонетическую и смысловую близость к исконно русским словам, а также в целом к славянизмам: ср. *сливка* и *слива*, *сметанка* и *сливки*, *хлудник* и *холодец*, *вишневка* и *вишня*, *млеко* и *молоко*, *чеколяда* и *шоколад*, *вудка* и *водка*. Лишь отдельные лексемы закрепились в современном русском языке (например, *бигос*), большинство же слов указанной сферы в художественном дискурсе выполняют обозначенные выше изобразительные задачи.

И, наконец, актуализацию военной лексики в тексте XXI в. можно объяснить не только выбранным автором сюжетом, в центре которого находится оборона Смоленска, осажденного войсками польского короля Сигизмунда III во время Русско-польской войны 1609–1618 гг., но и возрастающим интересом к военной теме, являющейся компонентом современного политического устройства.

Заключение

Несмотря на то, что в рассматриваемых произведениях описываются события разных временных отрезков (XIX в., перелома XV–XVI вв., а также начала XVII в.), в каждом из них используются устойчивые стереотипные стратегии создания «польского текста». Типизированные образы позволяют читателю безошибочно определять описываемого героя как поляка. Вместе с тем меняется количественный и качественный состав полонизмов, участвующих в создании данных образов.

Сопоставив количество полонизмов в текстах трех веков, отмечаем, что их число снижается на 85,6 % в избранном тексте XX в. по сравнению с текстом XIX в. В избранном тексте XXI в. количество полонизмов возрастает на 19,5 % по сравнению с текстом XX в., но по сравнению с текстом XIX в. количество полонизмов снижается значительно (на 82,8 %). Наиболее яркими маркерами поляков как представителей польской нации являются лексемы семантических групп «религия» и «социальные отношения», весомо представленные в процентном отношении для текстов каждого века. Актуализация отдельных семантических групп, например «военная служба» в XXI в. (1-е место в количественном отношении), обусловлена самой тематикой романа, избранной, в свою очередь, представлениями автора о важности данного вопроса в современном ему обществе. Подгруппы «существительные, обозначающие человека» в рамках двух семантических сфер («религия» и «социальные отношения») в художественном тексте XIX в. представлены полнее других.

Если при описании лексических заимствований из других языков (в первую очередь, английского) речь идет о необходимости наименования нового (заимствованного) явления, понятия или предмета, об интернациональных терминах или лексике, фиксирующей оттенки значений близких по сути слов, о тенденции к замене описательного наименования однословным, то иначе обстоит дело с полонизмами. Мы видим, что их употребление обусловлено, главным образом, задачами, связанными с традиционными стратегиями создания «польского текста» в русской художественной литературе.

Список литературы

1. Маринова Е. В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2013. 240 с.
2. Ананьева Н. Е. Полонизмы в романе А. Я. Бруштейн «Дорога уходит в даль» // Преемственность как фактор литературного процесса. Опыт Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам первых Хоревских чтений) / отв. ред. И. Е. Адельгейм. М., 2017. С. 313–326.
3. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. 2-е изд., стер. М.: АСТ-Пресс Книга, 2005. 864 с.
4. Крестовский В. В. Кровавый пух: роман: в 2 кн. М.: Современный писатель, 1995. Кн. 1. 1708 с. (Текст печатается по изданию: Крестовский В. В. Собр. соч.: в 8 т. СПб.: Изд. т-ва «Общественная польза», 1904. Т. 3–4.)
5. Крестовский В. В. Кровавый пух: роман: в 2 кн. М.: Современный писатель, 1995. Кн. 2. 1790 с.
6. Шишова З., Царевич С. Приключения Каспера Берната в Польше и других странах. СПб.; М.: Речь, 2017. 384 с.
7. Мединский В. Р. Стена. М.: ОлмаМедиаГрупп/Просвещение, 2016. 624 с.
8. Новиков Л. А. Семантическое поле // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 458–459.
9. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: учеб. пособие для филологических факультетов университетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. 216 с.
10. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 280 с.
11. Шведова Н. Ю. Предисловие // Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизирующий по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: [б. и.], 2002. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Все живое. Земля. Космос). С. VII–XXIII.

12. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. Избранное. М.: Прогресс-культура, 1995. 624 с.
13. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2003. 170 с.
14. Сетько О. А. Польский текст в русской литературе первой половины XX в.: мифопоэтические и автобиографические аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2016. 20 с.
15. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1987. 138 с.
16. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / под ред. С. В. Сыпченко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 309 с.
17. Сулименко Н. Е. Текст и аспекты его лексического анализа. М.: Флинта: Наука, 400 с.
18. Горбань О. А., Шептухина Е. М. Региональные документы XVIII века: аспекты лингвистического описания // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2013. № 3 (19). С. 76–84.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986–1987.
20. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 400 с.
21. Witkowski W. Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. Kraków, 2006. 253 s.
22. Doroszewski W. Słownik języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958–1969. Т. I–XI. URL: <http://www.sjpd.pwn.pl/> (дата обращения: 30.07.2020).
23. Słownik języka polskiego PWN / L. Drabik, A. Kubiak-Sokół, E. Sobol. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2015. 1360 s. URL: <https://sjp.pwn.pl/> (дата обращения: 30.07.2020).

Лаппо Марина Александровна, доктор филологических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Вилейская, 28, Новосибирск, Россия, 630128).
E-mail: marine.lappo@yandex.ru

Уразбекова Алина Айжарыковна, ведущий специалист-эксперт, Представительство Россотрудничества в Венгрии – Российский центр науки и культуры в Будапеште (пр. Андраши, 120, Будапешт, Венгрия, 1062).
E-mail: alina.urazbekova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 24.04.2021.

DOI 10.23951/1609-624X-2021-4-100-110

THE SEMANTIC GROUPS OF BORROWED WORDS IN THE RUSSIAN LITERARY TEXT: THE DYNAMIC ASPECT (BASED ON POLONISM)

M. A. Lappo¹, A. A. Urazbekova²

¹ *Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation*

² *Representative Office of Rossotrudnichestvo in Hungary – Russian Centre for Science and Culture in Budapest, Hungary*

Introduction. The article deals with semantic groups of polonisms in the Russian literary text of the XIX–XXI centuries.

Aim and objectives. The article aims to identify, describe and systematize representative semantic groups of polonisms in the literary text of the XIX–XXI centuries, as well as to analyze the extralinguistic and linguistic reasons for their actualization and the leading functions.

Material and methods. The material selection for this study was carried out in stages. At the first stage about 30 literary works selected by thematic (about Polish events), biographical (the authors are of Polish origin) and linguistic (the texts should have been written in Russian, not translations) criteria were considered. At the second stage for a detailed study the works by V. V. Krestovskii „The Bloody Pouf“, Z. Shishova and S. Tsarevich „The Adventures of Casper Bernat in Poland and Other Countries“ and V. R. Medinskii „The Wall“ were taken as the most representative in terms of borrowing from the Polish language. Systematization of Polish origin words on the semantic principle, which provides a basis for studying their functioning in a dynamic aspect, was subordinated to the concept of a „Large explanatory dictionary of Russian nouns“ edited by L. G. Babenko (2005), in which the general typical situation is the basis for combining nouns in a semantic group of words.

Results and discussion. The article describes in detail the following representative semantic groups of polonisms: „religion“, „nutrition“, „social relations“, „military service“. The analysis of semantic groups of Polish elements in the Russian language showed a steady tendency to their number reduction in the literary text of the time period under study, except for polonisms of military subjects. The authors identify both extralinguistic and linguistic reasons for this process: the interest decline in Poland in reading circles due to the deactualization of the „Polish issue“, the loss of religion significance, changes in the way of life, the social inequality neutralization, the phonetic and semantic proximity of polonisms and native Russian words. The study also showed that the leading functions of polonisms,

namely characterological, identifying, evaluating and clarifying, are generally permanent in the literature of the last three centuries. These functions of words of Polish origin are not directly related to their semantics, the use of polonisms corresponds to the traditions and tasks of artistic storytelling.

Conclusion. The analysis of semantic groups of Polish elements in Russian language showed a steady tendency to reduce their number in the literary text in the studied time period, except for polonisms of military thematic. The results of the work can be used in the study of language contacts, dynamic processes of Russian-language artistic discourse, in lexicographic practice.

Funding: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 21-512-23003, „One’s own“ and „somebody else’s“ in modern Russian and Hungarian fiction.

Keywords: *polonism, borrowing, foreign words, Polish, Russian, lexicography, semantic adaptation, language contacts.*

References

1. Marinova E. V. *Teoriia zaimstvovaniya v osnovnykh poniatyakh i terminakh: slovar'-spravochnik* [The theory of borrowing in basic concepts and terms: a dictionary-thesaurus]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2013. 240 p. (in Russian).
2. Anan'eva N. E. Polonizmy v romane A. Ia. Brushtein «Doroga ukhodit v dal'» [Polonisms in the novel „The Road goes far“ by A. Ia. Brushtein]. *Preyemstvennost' kak faktor literaturnogo protsessa. Opyt Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoi Evropy (po materialam pervykh Khorevskikh chtenii)* [Continuity as a factor in the literary process. Experience of Central and South-Eastern Europe (based on the materials of the first Horev readings)]. I. E. Adel'geim (ed. in chief). Moscow, 2017. Pp. 313–326 (in Russian).
3. Babenko L. G. ed. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoye opisaniye. Sinonimy. Antonimy* [Large explanatory dictionary of Russian nouns: Ideographic description. Synonyms. Antonyms]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2005. 864 p. (in Russian).
4. Krestovskiy V. V. *Krovavyy puf: Roman v 2 knigakh. Kniga 1* [Bloody pouf: a novel in 2 books. Book 1]. Moscow, Sovremennyy pisatel' Publ., 1995. 1708 p. (in Russian). (The text is printed according to the publication: Krestovskiy V. V. Collected works in 8 vol. Vol. 3–4. Saint Petersburg, Obshchestvennaya pol'za Publ., 1904.)
5. Krestovskiy V. V. *Krovavyy puf: Roman v 2 knigakh. Kniga 2* [Bloody pouf: a novel in 2 books. Book 2]. Moscow, Sovremennyy pisatel' Publ., 1995. 1790 p. (in Russian).
6. Shishova Z., Tsarevich S. *Prikliucheniya Kaspera Bernata v Pol'she i drugikh stranakh* [Adventures of Casper Bernat in Poland and other countries]. Saint Petersburg, Moscow, Rech' Publ., 2017. 384 p. (in Russian).
7. Medinskiy V. R. *Stena* [The Wall]. Moscow, Olma Media Grupp/Prosveshcheniye Publ., 2016. 624 p. (in Russian).
8. Novikov L. A. Semanticheskoye pole [Semantic field]. *Russkiy yazyk: Entsiklopediya* [Russian language: encyclopedia]. Yu. N. Karaulov (ed. in chief). Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1998. Pp. 458–459 (in Russian).
9. Kuznetsova E. V. *Leksikologiya russkogo yazyka: uchebnoye posobiye dlya filologicheskikh fakul'tetov universitetov* [Lexicology of the Russian language: a textbook for university philological faculties]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 216 p. (in Russian).
10. Shmelev D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of semantic vocabulary analysis]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 280 p. (in Russian).
11. Shvedova N. Yu. Predisloviye [Introduction]. *Russkiy semanticheskii slovar'. Tolkovyy slovar', sistematiziruyushchiy po klassam slov i znacheniy. Vol. 1. Slova ukazuyushchiye (mestoimeniya). Slova imenuyushchiye: Imena sushchestvitel'nye (Vse zhivoye. Zemliya. Kosmos)* [Russian semantic dictionary. An explanatory dictionary that classifies words and meanings by class. Vol. 1. Pointing words (pronouns). Naming words: nouns (All living things. Earth. Space)]. Ed. N. Yu. Shvedova. Russian Academy of Sciences. Russian language institute. Moscow, 2002. Pp. VII–XXIII (in Russian).
12. Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo. Izbrannoye* [Myth. Ritual. Symbol. Image: studies in the field of mythopoetic. Selected works]. Moscow, Progress-kul'tura Publ., 1995. 624 p. (in Russian).
13. Mednis N. E. *Sverkhteksty v russkoy literature* [Supertexts in Russian literature]. Novosibirsk, NSPU Publ., 2003. 170 p. (in Russian).
14. Set'ko O. A. *Pol'skii tekst v russkoi literature pervoi poloviny XX v.: mifopoeticheskiye i avtobiograficheskiye aspekty. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Polish text in the first half of the XXth century Russian literature: mythopoetic and autobiographical aspects. Abstract of thesis ... cand. philol. sci.]. Minsk, 2016. 20 p. (in Russian).
15. Sidorov E. V. *Problemy rechevoy sistemnosti* [Problems of speech consistency]. V. N. Iartseva (ed. in chief). Moscow, Nauka Publ., 1987. 138 p. (in Russian).
16. Bolotnova N. S. *Khudozhestvennyy tekst v kommunikativnom aspekte i kompleksnyy analiz edinit' leksicheskogo urovnia* [Literary text in the communicative aspect and complex analysis of lexical level units]. S. V. Sypchenko (ed.). Tomsk, TSU Publ., 1992. 309 p. (in Russian).
17. Sulimenko N. E. *Tekst i aspekty ego leksicheskogo analiza* [Text and aspects of its lexical analysis]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2008. 400 p. (in Russian).

18. Gorban' O. A., Sheptukhina E. M. Regional'nye dokumenty XVIII veka: aspekty lingvisticheskogo opisaniia [Regional documents of the XVIIIth century: aspects of linguistic analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2013, no. 3 (19), pp. 76–84 (in Russian).
19. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh* [Etymological dictionary of Russian language. In 4 vol.]. Translated from German and compl. by O. N. Trubachev. Moscow, 1986–1987 (in Russian).
20. Shanskiy N. M., Bobrova T. A. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian language]. Moscow, Prozerpina Publ., 1994. 400 p. (in Russian).
21. Witkowski W. *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Kraków, 2006. 253 p. (in Polish).
22. Doroszewski W. *Słownik języka polskiego. T. I–XI*. Warszawa: Wiedza Powszechna: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958–1969 (in Polish). URL: <http://www.sjpd.pwn.pl/> (accessed 30 July 2020).
23. *Słownik języka polskiego PWN* / L. Drabik, A. Kubiak-Sokół, E. Sobol. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2015, 1360 p. (in Polish). URL: <https://sjp.pwn.pl/> (accessed 30 July 2020).

Lappo M. A., Doctor of Philological Sciences, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University (ul. Vilyuyskaya, 28, Novosibirsk, Russian Federation, 630128).
E-mail: marine.lappo@yandex.ru

Urazbekova A. A., Chief expert, Representative office of Rossotrudichestvo in Hungary – Russian Centre for Science and Culture in Budapest (Andrássy út 120, Budapest, Hungary, 1062).
E-mail: alina.urazbekova@yandex.ru